

Александр Сурилов

Трагедия Аркадиевской балки

В наше время едва ли кто-то из одесситов может даже представить себе, какую страшную тайну скрывает приметный курган над Аркадиевской балкой, что высится над нынешними прудами парка Победы. А вот в памяти немногих еще здравствовавших в конце 1990-х старожилов так называемой Голопузовки, которая в свое время располагалась по обеим сторонам Шампанского переулка, это не что иное как Еврейская могила сотен, а возможно, и тысяч несчастных жертв оккупации.

О Еврейской могиле я узнал от полковника Владлена Соколова, моего соседа по дому и старожила Ново-Аркадиевской дороги. В середине 1950-х в центре бывшей Голопузовки, труднодоступной околицы Одессы, по обе стороны от Ново-Аркадиевской дороги, осью которой был Шампанский переулок, военные задумали строительство жилого дома. Однако уже в самом начале работ по выемке грунта под будущий фундамент строителей ждала страшная находка – на глубине чуть более метра обнаружилось огромное количество человеческих костей. Строительство было свернуто, а на месте найденной строительными братской могилы был насыпан курган. Аборигены Голопузовки вспомнили, что во время оккупации Одессы правый берег Аркадиевской балки с открытыми стволами заброшенных штолен, где добывался в свое время строительный камень – ракушечник, был превращен румынами в место казни заложников, в числе которых в начале оккупации преобладали одесситы еврейского происхождения. Так и повелось называть курган Еврейской могилей.

Под этим курганом покоятся жертвы фашистов

Прошли годы. И вот в середине 1980-х я вновь услышал, что курган в дендропарке над прудами Аркадиевской балки – это братская могила жертв оккупантов.

Еще через десять лет в мои руки попадает карта немецкой аэросъемки люфтваффе от августа 1944 года из американского военного архива. На ней уже совершенно отчетливо видны не только горловины прежних шурфов, но и исчезнувшая к концу 1960-х прежняя Голопузовка. Однако на сей раз привлечь внимание гражданского общества Одессы к забытым жертвам оккупации не удалось, поскольку в демонстрации фильма «Триптих» на городском телевидении было отказано под предлогом «недостаточного качества видеозаписей».

Постепенно вырисовывалась истинная картина событий: многое прояснила аэросъемка 1944 года, где видны шурфы. Газета «Знамя коммунизма» 9 мая 1988 года вышла со статьей «Мемориал», содержащей воспоминания старожилы Голопузовки А.Т. Максименко. Это он сообщил председателю общества «Мемориал» Н.Н. Данилову, как в конце 1941 – начале 1942 годов он видел заполненный телами расстрелянных людей

Аэрофотосъемка Аркадийской балки. 1944 г.

шурф каменоломни в Аркадийской балке глубиной более восемнадцати метров, а рядом – груды советских паспортов и других гражданских документов...

Наконец в 1997 году по моему сценарию известный в свое время режиссер Одесской киностудии Александр Игишев снял триптих «Расстрельные поколения». В качестве консультантов были приглашены легендарные деятели «Мемориала» Роман Шувалов, Николай Данилов и Валериан Сирота. Мы сверили известную каждому из нас историческую информацию и попытались найти на местности следы давней трагедии. Но, кроме собственно кургана, следов шурфов обнаружить тогда не удалось. Поиски, проведенные в парке Р.А. Шуваловым в 1997 году, результатов также не дали. Тем не менее Валериан Сирота с риском для жизни проник в катакомбы под дендропарком и увидел там немало интересного для исследователя: тайны минувшей войны, в том числе и засыпанные шурфы бывших каменоломен. Но заниматься историческими изысканиями в «лихие 90-е», понятно, не располагало само время.

Тамара Александровна Учанова и автор статьи Александр Сурилов

И вот в 2017 году совершенно случайно произошла встреча с Тамарой Александровной Учановой, и ныне живущей в одном из домиков так называемого Шанхая при одесском ипподроме. Меня буквально ошеломил рассказ о событиях 1944 года в Аркадиевской балке из уст Тамары как непосредственного очевидца трагедии.

Напомню, румынские оккупанты убивали одесситов не только в гетто, они не только расправлялись с ними в тюрьмах, но и уничтожали их как заложников. Не менее трагичным было то, что зверства оккупантов по отношению к заложникам были ответом на вылазки одесских партизан.

Среди заложников в первое время оккупации преобладали евреи, но были и участники сопротивления, и военнопленные, и коммунисты, и члены их семей. И в современной истории впервые случилось, что оккупанты расправлялись с ними не только как с евреями.

Тамара Учанова. Послевоенные годы

У Тамары отменная память. Так, она помнит, что там, «Где курган насыпан, был шурф глубокой штольни... Когда я начинаю вспоминать войну, румынскую оккупацию, начинаю реветь... Вот он, тот бугор-гора в парке. Там очень много людей погибло в ямах-шахтах, шахты были очень глубокие. Последних людей убили в балке буквально перед освобождением Одессы».

«Во время оккупации по вечерам мы много раз слышали выстрелы, но что происходит, увидели впервые накануне освобождения Одессы, – продолжает Тамара. – Это было 7 апреля, когда румыны при-

гнали очередную, как оказалось позже, последнюю группу заложников с детьми. Были ли там одни евреи? Мы видели только людей, а какой национальности они были, мы не знали. Хотя я лично и видела этот кошмар всего один раз, перед моими глазами – как вчера: здоровенная шахта, румыны ставят вокруг горловины шурфа обреченных. Ребенок или старый – для оккупантов не имело значения...

Нам же тогда удалось спасти еврейскую семью – бабушку и двоих ее внуков. Звали женщину Фира, отчество ей было Яковлевна, помню и имена внуков – Ромка и Яша...

Почему удалось скрыться от румын Фире с детьми? Потому что, как мы потом увидели, румыны в тот день кого-то ждали.

Уже вечерело, когда оккупанты стали пригонять арестованных. Румыны прикладами их подгоняли в кучу с криками: «Репеде! Репеде!». Кругом было поле, всходы цветов Зелентреста: здесь пионы, там розы. Эти пионы я запомнила на всю жизнь! Тогда

в апреле было очень тепло и сильно шли дожди, и пионы поднялись до большой высоты, бурно пошли в рост... Они не цвели, но куст пиона поднялся мне почти по пояс...

Недалеко от шурфа было большое спиленное дерево, и Фира решила. Выбрала момент, когда конвоир отвернулся, и вместе с детьми бросилась в заросли пионов. Так они незаметно для румын заползли за дерево и там затаились. Фире и детям несказанно повезло, что румыны были в тот раз без служебных собак...

Когда мы, дети, стояли и в ужасе смотрели на происходящее, мама подкралась поближе к беглецам и стала показывать, куда ползти, чтобы спастись. А ползти надо было к большой яме, с осени полной листьев. Ромка прыгнул, за ним братик, а затем их бабушка Фира.

К яме подошел сосед дядя Хома и сказал: «Сидите и не рыпайтесь». Фира с детьми и без того в ужасе забились в дальний край ямы...

А в это время со стороны Фонтанской дороги по Зоопарковой подъехали к штольне две или три легковые машины. Вышли пьяные офицеры – румыны и немцы... Смех... Крик... Команды...»

Тамара продолжает:

«Ребята, это не объяснить, до сих пор страшно вспоминать! Какой поднялся истерический крик обреченных людей! Там были и семьи с детьми! Они поняли, что настали их последние минуты, что надо прощаться с жизнью, что они последний раз видят друг друга, что сейчас они сгинут ни за что».

Румыны выставили заложников по краю шурфа и начали в них палить. Люди держались: цеплялись до последнего друг за друга, но все равно с жуткими криками падали в шахту...

Мама говорит: «Быстро уходим отсюда!». А тут еще и конвоир-румын на нас прикрикнул: «Штерге! (Убирайтесь!) Иначе, – тут он навел на нас винтовку, – будет «дрр... ддр!...».

А тут к нам откуда ни возьмись бежит малышка, годика три, и кричит: «Мама, мама!». Ручки протянула к моей маме Наташе, и та взяла ее на руки. Тогда из-за дерева, где спряталась Фира, показалась мама ребенка, тоже еврейка. И что удивительно, конвоир-румын увидел ее, но стрелять не стал: видать, и среди

Идут съемки телепрограммы, посвященной трагическим событиям в оккупированной Одессе

них были люди. Он толкнул ее к нам, и мы все вместе забежали в наш двор.

Эта молодая женщина ничего у нас не просила, она только схватила свою малышку на руки и кинулась к двум большим оранжереям. Там мы их спрятали до утра, а затем они ушли. Соседка, когда выносила ночное ведро, видела, как женщина с малой на руках побежала в сторону Аркадиевской дороги. Так спаслись и эти люди...»

Тамара также рассказала, что у Фиры был брат. Мама ее вышла замуж за вдовца, и у него был сын Арон Давидович, как она его называла – Арончик. Может, кто еще помнит: Арончик-футболист с Пироговской, № 3, 5 или 7. Во время оккупации смог избежать гетто, и не будучи очень похожим на еврея, даже не таясь румын, держал в городе какую-то торговлю.

Как вспоминал легендарный оператор одесского телевидения Анатолий Бурдейный, проживавший всю жизнь в Удельном переулке, в ночь на 7 апреля 1944 года взлетело на воздух здание

дачи мадам Стороженко, расположенной на углу Пироговской и Французского бульвара. В ответ сразу же прокатилась свирепая облава оккупантов.

Семья Фиры дружила с нашей русской семьей. У русских на Даче Ковалевского был дом. И когда началась облава на Пироговской, родные засунули дочь Фиры в багажник, накрыли брезентом и уехали на Ковалевского. Там ее спрятали в подвал, где она и пересидела два этих страшных дня. А вот Фире и ее внукам не повезло, и они угодили в лапы румын...

10 апреля Фира с внуками ушла к себе на Пироговскую, но скоро вернулась с подарками для своих спасителей. А еще через какое-то время мы узнали, что Фира получила письмо из Немировского района Винницкой области от своей родной сестры! Название села Тамара не запомнила. Та еще до войны с мужем, партийным работником, оказалась в том селе с семьей. «Так Фирочка уехала с дочкой и внуками – Яшей, ему было лет восемь, и Ромкой, тому не меньше десяти, из Одессы с семьей – и все! – рассказала Тамара. – Мы их потеряли».

Р. С. К настоящему времени мы подготовили сорокапятиминутный документальный фильм, премьерный показ которого состоялся в 2019 году в Музее Холокоста Одессы. Кроме этого у нас есть видеозапись интервью с ныне уже ушедшими из жизни одесситами, очевидцами трагедий оккупации. И как знать, быть может, этот очерк попадет на глаза родственникам Фиры.

